ИВБ
Р 83-П

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

В. Е. Рудаковъ

ПРОВЕРЕНА-58

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

Проверено-85

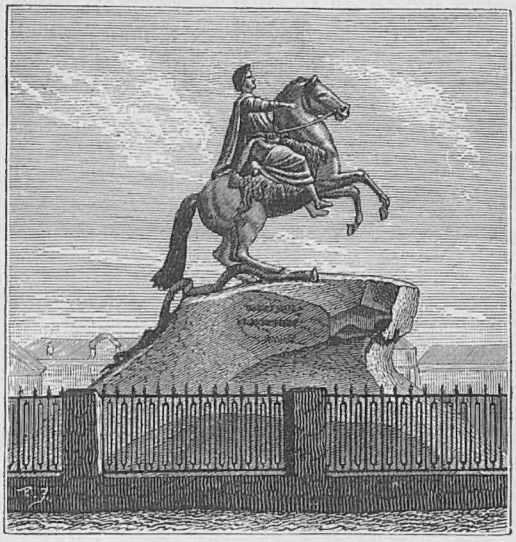
ДВУХСОТЛѢТНЯЯ ЕЯ ГОДОВЩИНА

ПРОВЕРЕНО - 06

1709 27 іюня 1909

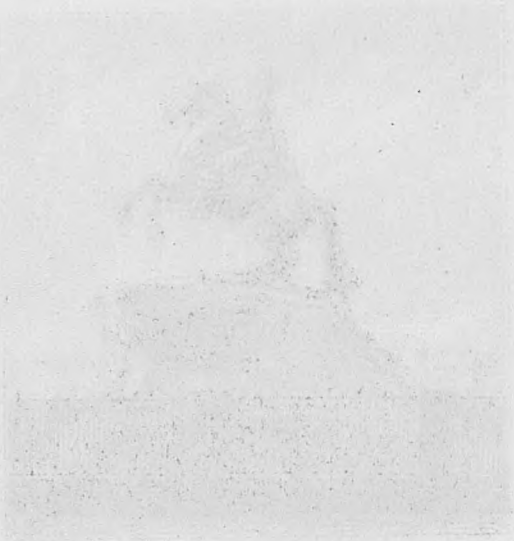
(СЪ РИСУНКАМИ)

35475



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Центральная В-Морская
Библиотека РКВМФ СССР



Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Глава I. Сѣверная война до 1709 года 5

» II. Осада Полтавы 18

» III. Полтавскій бой.—Побѣдныя торжества.—Окончаніе Сѣверной войны 23

» IV. Отраженіе Полтавской побѣды въ поэзіи художественной и народной и въ искусствѣ 38

» V. Памятники Полтавской битвы 56

ГЛАВА I.

Сѣверная война до 1709 года.

Полтавская битва, приведшая къ Ништадтскому миру, является безпримѣрной въ исторіи нашего отечества. Помимо высокаго военнаго значенія, приданнаго ей самобытнымъ геніемъ великаго царя Петра Алексѣевича, она имѣла важнѣйшіе результаты въ политическомъ и общественно-культурномъ отношеніяхъ. Послѣ нея московскій царь сразу становится властелиномъ всей сѣверной Европы, и Московское царство возводится на степень первостепеннаго европейскаго государства,—положеніе, которое еще со временъ Густава-Адольфа занимали шведскіе короли, и Швеція, низведенная теперь на степень менѣе чѣмъ второстепенной державы. Съ пріобрѣтеніемъ побережья Балтійскаго моря, принадлежавшаго дотолѣ шведамъ и составлявшаго давно желанную московскими царями естественную границу Московіи на западѣ,—открылась полная возможность безпрепятственныхъ сношеній съ западо-европейскими странами, въ цѣляхъ широкаго культурнаго развитія и просвѣщенія. Послѣ Полтавской побѣды открылась для Петра и полная, широкая возможность приступить къ необходимымъ внутреннимъ преобразованіямъ.

Чѣмъ же, спрашивается, было Московское государство до Полтавской «викторіи»?

Въ географическомъ отношеніи это была обширная страна, населенная, по большей части, великорусскимъ племенемъ и занимающая значительную часть сѣверо-вос-

точной Европы. Но страна эта только съ сѣвера примыкала къ естественной границѣ—Бѣлому морю; на западѣ ее ограничивали шведы, занявшіе съ половины XVII вѣка все восточное побережье Балтійскаго моря; на юго-западѣ—находилась враждебная Польша и на югѣ—татары, поддерживаемые сильной тогда Турціей. Въ силу такого географическаго положенія, Московскому государству еще съ момента его образованія приходилось постоянно бороться за свое существованіе «на три фронта», по выраженію одного изслѣдователя. При этомъ западные сосѣди-враги, считая «московитовъ» за варваровъ, ревниво оберегали даже малѣйшее проникновеніе своей культуры въ Московію, боясь усиленія политическаго могущества послѣдней. Московскіе цари очень рано сознали ненормальность такого состоянія, но, не видя возможности проникнуть къ Черному морю, еще со временъ Іоанна IV Грознаго обратились на западъ—къ Балтикѣ, гдѣ нѣкогда были русскія владѣнія; но ихъ попытки, какъ извѣстно, были безуспѣшны. Задача эта всею своею тягостью легла на Петра.

До 1700 г., когда открылась великая Сѣверная война Россіи съ Швеціей, Петръ еще не помышлялъ о пріобрѣтеніи Балтійскаго побережья. Въ 1696 г. онъ добился взятія Азова, но безъ особыхъ результатовъ; для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній необходимо было начать борьбу съ сильнѣйшей Турціей. Для успѣха въ послѣдней, онъ предпринимаетъ въ 1697 г. заграничное путешествіе и ищетъ тамъ союзниковъ противъ турокъ, но возвращается домой сторонникомъ новаго союза Польши и Даніи противъ Швеціи, которыя желали вернуть отнятыя у нихъ земли и уже давно тяготились гегемоніей шведскихъ королей. Примкнувъ къ этому союзу, съ единственною цѣлью завладѣть берегомъ Финскаго залива, пріобрѣсти море съ удобною гаванью, въ 1699 году, Петръ I началъ военныя дѣйствія лишь послѣ того, какъ въ августѣ 1700 г. былъ заключенъ миръ съ турками.

Шведскимъ королемъ въ это время былъ 18-тилѣтній Карлъ XII, унаслѣдовавшій отъ отца своего, Карла XI, называемаго «великимъ хозяиномъ королевства»,

богатую казну и хорошо обученную, боевую армію. Онъ больше всего любилъ военное дѣло, управленіе же государствомъ поручилъ барону Герцу и, будучи сильнымъ приверженцемъ протестантизма, хотѣлъ, подобно своему

Петръ I.

предку Густаву-Адольфу, сдѣлать Швецію вождемъ Европы и въ особенности протестантизма. Храбрость и рѣшительность его были изумительны и дополнялись рѣдкою настойчивостью и упорствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли.

Узнавъ о томъ, что союзники: датскій король Фридрихъ IV занялъ Шлезвигъ-Голштинское герцогство, находившееся подъ покровительствомъ Швеціи, и польскій, Августъ II, подступилъ къ Ригѣ, Карлъ XII немедленно приказалъ двинуть часть войскъ въ Голштинію, а самъ съ 15.000 отрядомъ появился подъ Копенгагеномъ. Не ожидавшій ничего подобнаго отъ «короля-мальчика», Фридрихъ IV вынужденъ былъ заключить миръ съ нимъ въ Травендалѣ, обязуясь совершенно очистить отъ войскъ герцогство Голштинское и заплатить его владѣльцу 260.000 талеровъ. Послѣ этого Карлъ XII двинулся по направленію къ Ригѣ противъ Августа II, но послѣдній поспѣшилъ прекратить осаду Риги, и тогда Карлу XII оставалось идти къ Нарвѣ, которую осаждалъ Петръ I. Послѣдній располагалъ почти 40.000 войскомъ; но громадное большинство его состояло изъ новобранцевъ, не готовыхъ для боя; очень мало было опытныхъ начальниковъ, и притомъ все войско было расположено для осады на протяженіи 7 верстъ. Когда Карлъ XII находился уже въ 25 верстахъ отъ Нарвы, Петръ, очевидно, считая дѣло проиграннымъ, покинулъ войско и предоставилъ командованіе имъ герцогу де-Круи. Быстрымъ нападеніемъ съ 8.500 солдатъ Карлъ XII на-голову разбилъ русскихъ, которыхъ во время сраженія и бѣгства погибло около половины, отнялъ артиллерію и взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими до 10 генераловъ.

Считая послѣ этого Петра и русскихъ очень слабыми противниками, Карлъ XII отвергъ совѣтъ своихъ полководцевъ—преслѣдовать русскихъ, и пошелъ на ненавистнаго ему Августа II, съ цѣлью низложить его съ престола. — «Нѣтъ никакого удовольствія», — говорилъ Карлъ, — «биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва-ли удалось бы убить хоть одного человѣка».

Петръ, готовившійся уже встрѣтить Карла XII на границахъ Московскаго государства, узнавъ объ этомъ, вздохнулъ свободнѣе. «Господа шведы»,—сказалъ онъ,—«можетъ

быть еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся побѣждать ихъ». Однако положеніе все-таки было тяжелое: армія разстроена, артиллеріи не было, недовольство реформами внутри государства, вслѣдствіе такого пораженія, возрастало и престижъ Россіи на западѣ падалъ.

Карлъ XII.

Наряду съ дивирамбами Карлу, западно-европейская публицистика разразилась градомъ насмѣшекъ надъ слабостью Москвы и Петра. Была пущена въ обращеніе медаль, изображавшая съ одной стороны—осаду Нарвы и Петра, грѣющагося при пушечномъ огнѣ, и надпись (изъ Библіи): «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся»; съ другой,—Петра и русскихъ,

позорно бѣгущихъ отъ Нарвы, и надпись: «Пшедъ вонъ, каяся горько».

Но, несмотря на это, Петръ не падалъ духомъ. Онъ спѣшно сталъ набирать новые отряды солдатъ, которыхъ обучалъ съ неутомимой энергіей; приказалъ обрусѣлому нѣмцу Виніусу изготовить пушки изъ церковныхъ колоколовъ, взятыхъ въ казну, такъ какъ собственной мѣди для литья не было; къ лѣту 1701 г. Виніусъ представилъ Петру до 300 пушекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царственный полководецъ рѣшилъ, избѣгая «генеральныхъ баталій», безпокоить врага мелкими стычками и набѣгами, при условіи въ то же время численнаго превосходства надъ нимъ, и опустошать страну, заставляя его терпѣть недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ. Въ цѣломъ рядѣ такихъ столкновеній русскихъ со шведами, оставленныхъ Карломъ XII въ Лифляндіи и Ингріи (нынѣшней Петербургской губ.), за 1701 г. русскимъ удалось нанести серьезное пораженіе шведскимъ войскамъ: при мызѣ Эрестферѣ Б. П. Шереметевъ [1]) разбилъ генерала Шлиппенбаха: 3.000 шведовъ пали въ битвѣ, 350—было взято въ плѣнъ, тогда какъ русскіе потеряли всего около 1.000 человѣкъ.—«Слава Богу», писалъ по этому поводу Петръ, «мы дошли до того, что можемъ побѣждать шведовъ, сражаться двое противъ одного, но скоро станемъ побѣждать ихъ и съ равными силами». Въ іюлѣ слѣдующаго года тотъ же Б. П. Шереметевъ вторично разбилъ Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ, и затѣмъ, по приказу Петра, сталъ опустошать занятую имъ Лифляндію и «погостилъ тамъ преизрядно», какъ писалъ царь Петру Апраксину [2]), который также «изрядно гостилъ» въ Ингріи.

---

[1]) **Шереметевъ,** Борисъ Петровичъ, графъ, фельдмаршалъ, съ 1702 г., за побѣду при Эрестферѣ; знаменитый сподвижникъ Петра Великаго. Родился въ 1652 г.; умеръ въ 1719 г. Въ Полтавской битвѣ командовалъ центромъ. Горячій западникъ, онъ тѣмъ не менѣе симпатизировалъ царевичу Алексѣю Петровичу, и не участвовалъ въ судѣ надъ нимъ.

[2]) **Апраксинъ,** Петръ Матвѣевичъ, впослѣдствіи графъ, сенаторъ и президентъ юстицъ-коллегіи. До 1708 г., когда былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, оказывалъ самую дѣятельную помощь Петру I въ борьбѣ со шведами. Умеръ около 1727 года.

Послѣ этого Петръ задумалъ пріобрѣсти пунктъ на морѣ. Отъ с. Нюхчи, лежащаго на юго-западномъ берегу Бѣлаго моря, черезъ лѣса, болота и рѣки онъ съ 4.000 войска и двумя фрегатами прошелъ пространство въ 170 верстъ въ теченіе 10 дней и высадился въ сѣверной части Онежскаго озера, у г. Повѣнца; отсюда, проѣхавъ Онежское озеро, вступилъ въ р. Свирь; близъ дер. Мокришвица (впослѣдствіи г. Лодейное Поле) устроилъ корабельную верфь и, наконецъ, проплывъ Ладожское озеро, приблизился къ шведской крѣпости Нотебургъ (Орѣшекъ), находящейся въ верховьяхъ р. Невы. Вызвавъ сюда въ подкрѣпленіе Шереметева съ его отрядомъ, Петръ, послѣ сильнѣйшаго сопротивленія, 11 октября 1702 г. овладѣваетъ этой крѣпостью и переименовываетъ ее въ *Шлиссельбургъ* (ключъ-городъ къ морю). — «Правда», — писалъ онъ Виніусу,—«что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако-жъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Съ открытіемъ навигаціи въ 1703 г., Петръ Невою достигаетъ ея устья, овладѣваетъ городкомъ Ніеншанцъ и въ маѣ «рубитъ» новый городокъ «Питербурхъ», которому суждено было стать столицей Россійской имперіи.

Петръ очень дорожилъ этимъ городкомъ-гаванью, какъ ближайшимъ къ Руси пунктомъ Балтійскаго побережья, всячески укрѣплялъ его и всѣ дальнѣйшія военныя операціи направлялъ къ тому, чтобы обезпечить себѣ обладаніе Петербургомъ. Съ этою цѣлью постепенно, въ теченіе 1703—1704 гг., были отбиты отъ шведовъ старые русскіе города: Копорье, Ямы, Дерптъ (Юрьевъ), Нарва и Ивангородъ.

Между тѣмъ Карлъ XII, «увязшій» въ Польшѣ, гонялся за Августомъ II, нанося ему пораженіе за пораженіемъ. Мало помогали послѣднему и русскія войска, которыя посылалъ Петръ въ довольно большомъ количествѣ, особенно съ начала 1705 года. Послѣ избранія и коронованія, въ 1705 г., новаго польскаго короля Станислава Лещинскаго, Карлъ XII вторгся въ родовыя Саксонскія владѣнія Августа II, нанесъ ему тамъ рядъ пораженій и принудилъ

къ заключенію позорнаго Альтранштадтскаго мира, по которому Августъ II отказывался отъ польской короны и отъ союза съ Петромъ, и обязывался содержать на счетъ Саксоніи шведское войско въ теченіе зимы (1706 г.). Проведя затѣмъ почти весь 1707 годъ въ Польшѣ, гдѣ распоряжался самовластно, Карлъ XII рѣшилъ открыть военныя дѣйствія противъ Россіи и, въ декабрѣ 1707 г., занялъ Гродно, почти тотчасъ же послѣ отъѣзда изъ него Петра. Войска Карла XII въ это время состояли: изъ главной арміи въ 32 тыс. человѣкъ, которыми онъ командовалъ самъ; изъ отряда въ 8.000 человѣкъ, отряженныхъ, подъ начальствомъ Крассова, для защиты новаго короля Станислава противъ недовольныхъ имъ поляковъ; отряда въ 14.000, съ которымъ стоялъ въ г. Ригѣ Левенгауптъ, и отряда въ 12.000 человѣкъ, расположенныхъ въ Финляндіи, подъ начальствомъ Либекера. Такимъ образомъ, общее количество шведскаго войска доходило до 70.000 человѣкъ. Съ такими силами Карлъ XII, пріобрѣтшій въ Европѣ славу «непобѣдимаго» и съ гордостью отвергшій предложеніе Петра о мирѣ, хвалился, что закончитъ его по-саксонски, въ Москвѣ, низложивъ съ престола Петра.

Положеніе Петра, оставшагося безъ союзниковъ и вынужденнаго вступить въ единоборство съ «непобѣдимымъ», представлялось и ему самому крайне тяжелымъ; въ письмахъ своихъ въ то время онъ подписывался:—«*Печали исполненный Петръ*». Печаль эта должна была усилиться еще оттого, что, вслѣдъ за усмиреніемъ бунта въ Астрахани, пришлось усмирять возмутившихся башкиръ и послѣ бороться съ Донскими казаками, во главѣ которыхъ стоялъ смѣлый и предпріимчивый Булавинъ [3]), съ большимъ

[3]) **Булавинъ,** Кондратъ, походный атаманъ донскихъ казаковъ, сообщникъ гетмана Мазепы. Онъ собралъ вокругъ себя большое войско, преимущественно изъ «голытьбы», не разъ поражалъ небольшіе отряды русскихъ войскъ и овладѣлъ г. Черкасскомъ. Съ большимъ трудомъ удалось князю Долгорукову вмѣстѣ съ вѣрными донцами, предводимыми Максимовымъ, разсѣять его шайки и вернуть Черкасскъ. Не видя болѣе возможности держаться, Булавинъ застрѣлился 7 іюля 1708 года.

трудомъ разбитый княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ [4]). Но, несмотря на все это, Петръ, предвидя, что наступаютъ рѣшительныя минуты, не упалъ духомъ, не потерялъ своей энергіи, а наоборотъ,—проявилъ чрезвычайную, достойную изумленія дѣятельность, особенно настаивая на увеличеніи численности арміи, развитіи ея боевой готовности и поднятіи въ ней продовольственной и санитарной частей. Полагая, что непріятель можетъ двинуться на сѣверъ, чтобы отнять завоеванія на берегахъ Балтійскаго моря, онъ защиту ихъ принялъ на себя и уѣхалъ съ юга въ Петербургъ. Для наблюденія за Карломъ XII оставилъ Меншикова [5]) во главѣ южной арміи, прося послѣдняго безъ крайней надобности не вызывать его изъ Петербурга. Но, какъ потомъ оказалось, Карлъ XII стремился пробраться на сѣверо-востокъ, въ Москву, чтобы тамъ въ корнѣ подорвать силы Петра. Пройти туда онъ могъ или чрезъ Смоленскъ, соединившись съ Левенгауптомъ и Либекеромъ, или чрезъ Украйну. Послѣдній путь былъ болѣе короткій и представлялъ, какъ увидимъ, свои особыя преимущества. Первое движеніе Карла XII изъ г. Гродно лѣтомъ 1707 г. было на Минскъ; оттуда онъ пошелъ по р. Березинѣ, съ боя овладѣлъ переправой черезъ нее, близъ мѣстечка Головчина, и дошелъ до Могилева.

---

[4]) **Долгоруковъ**, Василій Владиміровичъ, князь—рюриковичъ, фельдмаршалъ. Родился въ 1667 году; умеръ въ 1746 году. Во время Полтавскаго сраженія командовалъ конницей. Въ 1718 г., за сочувствіе царевичу Алексѣю Петровичу, былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Соликамскъ. Императрица Екатерина I помиловала его въ 1726 г. и назначила главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ. Въ 1730 г. снова сосланъ въ Ивангородъ, а потомъ и въ Соловецкій монастырь. При императрицѣ Елизаветѣ состоялъ президентомъ военной коллегіи.

[5]) **Меншиковъ**, Александръ Даниловичъ, свѣтлѣйшій князь, сподвижникъ и любимецъ Петра Великаго. Родился онъ около 1673 г.; мальчикомъ служилъ у Лефорта, гдѣ и познакомился съ Петромъ, зачислившимъ его въ свои «потѣшные». При имп. Екатеринѣ I былъ полновластнымъ правителемъ Россіи, а при Петрѣ II сосланъ, происками Долгоруковыхъ, со всѣмъ семействомъ сначала въ Раненбургъ, Рязанской губерніи, а потомъ въ отдаленный Березовъ, гдѣ и умеръ 12 ноября 1729 года.

Здѣсь онъ сталъ ожидать соединенія съ корпусомъ Левенгаупта, которому передъ тѣмъ приказалъ собрать въ Курляндіи и Лифляндіи возможно больше продовольственныхъ запасовъ и взять съ собою все огромное количество присланныхъ изъ Швеціи боевыхъ снарядовъ.

Во время этой стоянки на отдѣлившійся отъ главной арміи шведскій отрядъ напалъ при мѣстечкѣ Добромъ князь Мих. Мих. Голицынъ [6]) и нанесъ ему серьезное пораженіе. Положеніе Карла XII, тщетно ожидавшаго Левенгаупта, становилось затруднительнымъ. Въ его арміи, слишкомъ долго оторванной отъ родины, стали обнаруживаться упадокъ духа и дезертирство. Особенно ощущался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Хотя шведскіе генералы и совѣтовали Карлу XII, для выхода изъ такого положенія, двинуться самому навстрѣчу Левенгаупта, но онъ предпочелъ идти въ Украйну, куда его уже давно звалъ малороссійскій гетманъ Мазепа [7]), обѣщавшій поднять противъ Петра всю Малороссію и Запорожскихъ казаковъ и снабдить шведскую армію всѣми необходимыми припасами.

---

[6]) **Голицынъ**, Михаилъ Михайловичъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ; род. въ 1675 г., умеръ въ 1730 г. Въ Полтавскомъ бою командовалъ гвардіей. Съ 1714 по 1721 г. велъ войну въ Финляндіи и побѣдою надъ шведами при островѣ Гренгамѣ содѣйствовалъ скорѣйшему заключенію Ништадтскаго мира. Въ 1730 г., замѣшанный въ замыслахъ верховниковъ, задумавшихъ ограничить императорскую власть правительницы Анны Іоанновны, былъ удаленъ отъ Двора, послѣ чего вскорѣ и умеръ.

[7]) **Мазепа-Колединскій**, Иванъ Степановичъ, знаменитый малороссійскій гетманъ. Родился въ православной шляхетной семьѣ, воспитывался при дворѣ польскаго короля Яна Казиміра и окончилъ образованіе заграницей. Изъ-за любовной исторіи бѣжалъ изъ Польши въ Малороссію; здѣсь скоро добился почетныхъ должностей и въ 1687 г. былъ провозглашенъ гетманомъ Малороссіи, въ каковомъ званіи участвовалъ во второмъ Крымскомъ походѣ князя В. В. Голицына и Азовскихъ походахъ Петра. До конца 1708 г. былъ дѣятельнымъ пособникомъ Петра Великаго. Умеръ въ Бендерахъ 22 ноября 1709 года. Судьба Мазепы интересовала очень многихъ писателей и поэтовъ. Наиболѣе цѣнныя поэтическія изображенія Мазепы принадлежатъ А. С. Пушкину, Байрону, Готшталлю и Словацкому.

Кромѣ того, Карлу XII представлялось болѣе удобнымъ изъ Украйны поднять крымскихъ татаръ и Турцію противъ Россіи. 14 сентября онъ открылъ свое движеніе въ Малороссію, преслѣдуемый Меншиковымъ, который постоянно безпокоилъ его армію и опустошалъ страну, съ цѣлью лишить шведовъ провіанта. Вскорѣ было доведено до свѣдѣнія Петра и о выступленіи Левенгаупта. Царь самъ пошелъ къ нему навстрѣчу и, съ 14-тысячнымъ отрядомъ, 28 сентября напалъ на него при деревнѣ Лѣсной. Левенгауптъ потерялъ весь свой транспортъ, всю артиллерію и около двухъ третей своего отряда. Русскихъ же пало не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ,—«Сія у насъ побѣда»,—говорилъ Петръ,—«можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не было, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ; тутъ первая проба солдатская была».

Впослѣдствіи свою побѣду при Лѣсной онъ называлъ «матерью Полтавской баталіи».

Далеко не оправдались надежды Карла XII на обѣщанія малороссійскаго гетмана Мазепы. Тогдашняя Малороссія, или Украйна, представляла собою два враждующихъ между собою лагеря. Съ одной стороны были низшіе классы малороссіянъ, казаки и посполитые (земледѣльцы и горожане), довольные господствомъ надъ ними православной Москвы, а съ другой—казацкая старшина, сочувствовавшая польскому строю жизни и тяготившаяся подчиненіемъ Москвѣ. Помимо этого, старшины раздражали казаковъ и посполитыхъ постоянными захватами у нихъ земельныхъ владѣній, что̀ служило главнымъ яблокомъ раздора между ними и долго впослѣдствіи. Малороссійскимъ гетманамъ при такихъ обстоятельствахъ приходилось очень трудно. Они часто дѣлались жертвами самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ вліяній, происковъ, интригъ,—и въ результатѣ послѣ Богдана Хмельницкаго, какъ говорилъ нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, «не было ни одного гетмана въ Малороссіи, который бы спокойно кончилъ свою жизнь въ гетманскомъ достоинствѣ». Ловкій и

умный Мазепа, въ теченіе своего двадцатилѣтняго гетманства, не только умѣлъ держать въ рукахъ малорусское общество, но успѣлъ и въ Москвѣ заслужить рѣдкое довѣріе Петра. Послѣдній не вѣрилъ многочисленнымъ доносамъ на Мазепу, и выдавалъ ему головою доносчиковъ (напр., генеральнаго судью Кочубея и полковника Искру), а самъ Мазепа умѣлъ убѣдительно оправдываться отъ обвиненій. Когда Петръ остался безъ союзниковъ и Карлъ XII рѣшилъ воевать съ Россіей, Мазепа былъ убѣжденъ, что Петру не справиться съ врагомъ, и разсчитывалъ, что, если Малороссія останется вѣрною побѣжденной Москвѣ, то побѣдители Карлъ и Станиславъ Лещинскій не пощадятъ ни Москвы, ни Малороссіи. Если же Малороссія перейдетъ ранѣе на ту сторону, чья побѣда вѣроятнѣе, то такой переходъ обезпечитъ въ будущемъ и самостоятельность внутренней жизни Малороссіи и высокое положеніе гетмана. По такимъ-то соображеніямъ, какъ объясняютъ наши историки, Мазепа рѣшилъ отложиться отъ Московскаго государства и стать союзникомъ Карла. Благодаря водворенному имъ спокойствію, гетманъ разсчитывалъ на сочувствіе къ себѣ громаднаго большинства всѣхъ недовольныхъ московскимъ режимомъ; но, какъ дальнѣйшія обстоятельства показали, его разсчеты далеко не оправдались: малороссійскій народъ исповѣдывалъ одну вѣру съ московскими людьми, не терпѣлъ иновѣрцевъ и въ особенности ненавидѣлъ своихъ прежнихъ притѣснителей—ляховъ.

Когда, послѣ пораженія Левенгаупта, появленія въ Украйнѣ Карла XII и грозно выраженнаго повелѣнія московскаго царя—присоединиться къ южной арміи,—скрывать свою измѣну долѣе нельзя было,—Мазепа съ 2.000 отрядомъ казаковъ покидаетъ свою резиденцію Батуринъ, и 29 октября соединяется съ Карломъ, имѣя въ виду провести его въ Батуринъ, гдѣ находилась гетманская казна и множество всякихъ запасовъ.

Но Меншиковъ, давно подозрѣвавшій Мазепу, быстрымъ движеніемъ достигъ Батурина,—и 31 октября послѣдній

354 75

былъ взятъ штурмомъ и сожженъ... Центръ предполагаемаго возстанія былъ уничтоженъ, вся Малороссія почувствовала энергію и силу русскихъ. Тщетно затѣмъ разсылалъ свои универсалы и «прелестныя» письма Мазепа по Малороссіи: никто не поднялся, кромѣ отряда Запорожцевъ, подъ предводительствомъ кошеваго Гордѣенко, всего въ количествѣ 8.000 человѣкъ. 7 ноября въ Глуховѣ казаки избрали новаго гетмана Ивана Скоропадскаго, «угоднаго» Москвѣ. Мазепа-же, по повелѣнію царя, былъ преданъ проклятію, и анаоема измѣнннику загремѣла во всѣхъ церквахъ.

Малороссія фактически оказалась въ рукахъ Петра, а малороссійскіе крестьяне начали народную войну противъ наступавшихъ шведовъ.

Такъ окончился 1708 годъ. Шведы все еще сохраняли престижъ непобѣдимости, и Карлъ XII еще надѣялся поднять противъ Россіи Турцію. Послѣдней особенно боялся Петръ: всю зиму 1708—1709 г. принималъ мѣры обороны противъ турокъ, лично побывалъ въ Воронежѣ и Азовѣ, и только весною прибылъ къ арміи Меншикова. Турки-же между тѣмъ не только не имѣли намѣренія сами воевать съ Россіей, но удерживали еще отъ этого крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ, Карлъ XII оставался, можно сказать, съ одной своей арміей, численность которой теперь едва превышала 30.000 человѣкъ и которая почти не имѣла артиллеріи. При этомъ его главная квартира въ с. Будищи, близъ Диканьки, была окружена почти со всѣхъ сторонъ русскими войсками, предводимыми Меншиковымъ и Шереметевымъ. Отвергнувъ совѣтъ своихъ генераловъ — отступить въ Польшу, чтобы тамъ соединиться съ войсками Крассова и Станислава Лещинскаго, онъ полагалъ единственный выходъ изъ затруднительнаго своего положенія—въ *генеральномъ сраженіи*, отъ котораго Петръ, видимо, уклонялся, терзая своего врага мелкими стычками, и, чтобы вызвать на него Петра, рѣшилъ приступить къ осадѣ болѣе укрѣпленнаго и сравнительно богатаго города Полтавы, гдѣ, по словамъ Мазепы, было много денегъ, провіанта и суконъ.

ГЛАВА II.

Осада Полтавы.

Полтава лежитъ на правомъ, высокомъ берегу р. Ворсклы. Въ 1709 г. это былъ небольшой городокъ, наиболѣе укрѣпленный только въ виду прибытія шведовъ, съ гарнизономъ въ 4.000 человѣкъ регулярнаго войска и 2.500 чел. вооруженныхъ жителей. Достаточно снабженная продовольственными припасами и значительно менѣе боевыми, Полтава имѣла комендантомъ храбраго и вѣрнаго воина, полковника Ивана Степановича Келлина[8]), который своею распорядительностью и личнымъ мужествомъ, воодушевлявшимъ гарнизонъ и жителей, сумѣлъ отстоять городъ отъ многочисленнаго и сильнѣйшаго врага въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ.

Впервые появились шведы подъ Полтавой 1 апрѣля 1709 года и первые два дня тщетно штурмовали ее небольшими отрядами. Затѣмъ приступили къ правильной осадѣ, но большинство шведскихъ укрѣпленій тотчасъ же уничтожалось при вылазкахъ осажденныхъ, которыхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было болѣе 12. Не удается шведамъ и подкопъ, одинъ изъ рукавовъ котораго былъ начиненъ порохомъ. Полтавцы во-время замѣтили это, благополучно

---

[8]) Біографія **Келлина**, почти не извѣстна. Послѣ Полтавскаго сраженія, Петръ I назначилъ его въ Азовъ, въ виду наступавшей войны съ Турціей. Есть свѣдѣнія, что онъ велъ дневникъ осады Полтавы, но послѣдняго изслѣдователямъ отыскать не удалось.

вынули порохъ и затѣмъ съ большимъ урономъ отбросили близко подошедшій къ городу шведскій отрядъ. Въ это время русскія войска, подъ начальствомъ Меншикова, находились на лѣвомъ берегу р. Ворсклы и постоянными мелкими нападеніями безпокоили шведовъ.

Но Петръ былъ этимъ недоволенъ и приказалъ Меншикову, для отраженія шведовъ отъ Полтавы, произвести нападеніе на Опошню, гдѣ была главная непріятельская квартира. Хотя нападеніе это и не имѣло успѣха: шведы удержались въ Опошнѣ, но за то русскимъ удалось усилить полтавскій гарнизонъ вспомогательнымъ отрядомъ почти въ 900 человѣкъ. Бригадиръ Головинъ, съ 900 солдатами, переодѣтыми въ шведскіе мундиры, смѣло подошелъ къ линіи непріятельскихъ укрѣпленій, въ тотъ самый моментъ, когда происходила обычная смѣна охранительныхъ карауловъ. На вопросъ: «Кто идетъ»?—онъ отвѣчалъ по нѣмецки, что ведетъ команду на осадныя работы близъ города. Его пропустили, и только подъ самыми стѣнами былъ обнаруженъ обманъ. Тогда Головинъ штыками сталъ пробивать себѣ дорогу и достигъ воротъ города, потерявъ убитыми всего 18 человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ пришелъ въ сильную ярость, грозилъ казнить всѣхъ виновниковъ въ пропускѣ русскихъ, но потомъ успокоившись, сознался, сказавъ: «Я вижу, что мы научили русскихъ военному искусству».

Но и такое покрѣпленіе было, конечно, недостаточнымъ для осажденныхъ полтавцевъ. Болѣе другихъ сознавалъ это самъ Петръ, крайне опасавшійся паденія Полтавы, и приказалъ Шереметеву соединиться съ Меншиковымъ. Тогда шведы, надѣясь разомъ покончить съ Полтавой, произвели 1 іюня сильнѣйшую бомбардировку. Въ городѣ начался пожаръ, часть гарнизона бросилась его тушить; въ это время шведы взобрались на крѣпостной валъ и водрузили свое знамя, но вскорѣ же были отброшены сбѣжавшимися на подмогу защитниками: тушившими пожаръ солдатами, стариками, женщинами и дѣтьми. Послѣ такой неудачи Карлъ рѣшился вступить съ комендантомъ въ

письменные переговоры о сдачѣ города; въ отвѣтъ на это П. С. Келлинъ сдѣлалъ вылазку на шведовъ, производившихъ осадныя работы, и отнялъ у нихъ 4 пушки. Однако и защитникамъ Полтавы становилось слишкомъ тяжело. Изъ 6.500 человѣкъ осталось только немного болѣе 5.000 человѣкъ, боевые припасы приходили къ концу, немного оставалось и продовольствія. Но тутъ, къ счастію полтавцевъ, 4 іюня прибылъ къ войску самъ Петръ и сейчасъ-же оповѣстилъ ихъ о своемъ прибытіи брошенною бомбою съ письмомъ. Царское письмо было прочитано въ ратушѣ, и всѣ граждане порѣшили защищаться до послѣдней капли крови, давъ въ этомъ торжественную клятву предъ образомъ Пресвятыя Богородицы. Ознакомившись съ положеніемъ города, Петръ, чтобы отвлечь отъ него шведовъ, велѣлъ гетману Скороподаскому нападать въ тылъ шведской арміи, со стороны р. Псла, и выслалъ два отряда на правую сторону Ворсклы. Положеніе Карла XII дѣлалось еще затруднительнѣе, и онъ, не смотря на свой гнѣвъ на Левенгаупта, обратился къ нему за совѣтомъ. 16 іюня поздно вечеромъ, когда Левенгауптъ ложился спать, вошелъ къ нему король и спросилъ: что дѣлать? Левенгауптъ уклонился отъ отвѣта; тогда онъ вторично и уже болѣе ласковымъ тономъ задалъ ему свой вопросъ и получилъ въ отвѣтъ:

— «Остается прекратить осаду Полтавы и ударить всѣми силами на непріятельскій станъ».—Отвѣтъ этотъ не понравился королю. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— «Я слышалъ, что русскіе хотятъ переходить черезъ рѣку; поѣдемъ вмѣстѣ верхомъ къ рѣкѣ».—Это было въ 11 ч. вечера 16 іюня. Долго они ѣздили, и только къ разсвѣту 17 іюня спустились еще ниже къ рѣкѣ. Русскіе ихъ замѣтили и стали стрѣлять. Карлъ не обращалъ на это никакого вниманія; прогулка подъ непріятельскими пулями всегда доставляла ему удовольствіе, и онъ называлъ ее «amusement à la moutarde».

— «Ваше величество!—говоритъ ему Левенгауптъ—не оставайтесь здѣсь такъ долго. Безъ всякой причины нельзя

выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу».

Въ этотъ моментъ какъ разъ пуля сразила подъ Левенгауптомъ лошадь, и онъ, падая, закричалъ:

— «Ваше величество! Ради самого Бога, оставьте это мѣсто!»

— «Пустяки, вы получите другую лошадь»,—сказалъ Карлъ и поѣхалъ дальше. Во время его разъѣздовъ вдоль берега, на поворотѣ, непріятельская пуля задѣла ему пятку лѣвой ноги, прошла вдоль подошвы и засѣла между ножными пальцами. Карлъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свои разъѣзды, нагналъ Левенгаупта, который, узнавъ о ранѣ, сказалъ:

— «Ахъ ваше величество! сталось-таки то, чего я такъ боялся и что предрекалъ».

— «Ничего», — отвѣчалъ король,—«это только въ ногу; пуля въ ногѣ застряла, но я велю ее вырѣзать». Во время операціи хирурга, онъ только ободрялъ послѣдняго: «Рѣжьте живѣе»,—говорилъ онъ,—«это ничего». Однако рана оказалась серьезной; король долженъ былъ пролежать въ постели нѣсколько дней и пріостановить осаду Полтавы.

Тѣмъ временемъ Петръ принималъ всѣ мѣры къ непосредственному сношенію съ осажденными, но ничто не удавалось. Тогда-то на военномъ совѣтѣ, для спасенія Полтавы, рѣшено было дать генеральное сраженіе шведской арміи. 20 іюня русская армія перешла черъ р. Ворсклу и расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ, на высотахъ, у дер. Семеновки, недалеко отъ Полтавы.

Между тѣмъ Карлъ XII рѣшился еще разъ штурмовать Полтаву, отдавъ приказъ «взять ее во что бы то ни стало». 21 и 22 іюня, два дня подрядъ, бились шведы съ полтавцами, нѣсколько разъ всходили на крѣпостной валъ и всегда были отбиваемы съ большимъ урономъ. Послѣдній ночной штурмъ былъ «самый стремительный, самый ужасный». На защиту явились женщины, старики и дѣти, и бились наравнѣ съ солдатами гарнизона; бились тѣмъ, что попадало подъ руку: косами, топорами, камнями, кольями...

Въ 4 часа ночи штурмъ окончился пораженіемъ шведовъ, потерявшихъ за два дня около 2.200 человѣкъ; осажденныхъ-же пало не болѣе 1.300 человѣкъ. Послѣ этого штурма, Карлъ оставилъ осаду Полтавы и началъ готовиться къ генеральному сраженію; прошло еще нѣсколько дней, и «грянулъ бой, Полтавскій бой».

ГЛАВА III.

Полтавскій бой.—Побѣдныя торжества.—Окончаніе Сѣверной войны.

Первоначально Петръ предполагалъ дать сраженіе 29 іюня, въ день своего тезоименитства, когда должны были явиться на подмогу и калмыки въ числѣ 30.000 человѣкъ. Но перебѣжавшій къ русскимъ 25 числа полячекъ сообщилъ, что король готовится начать битву 27 іюня.

— «Ну, что-жъ»,—сказалъ Петръ! — «на начинающаго Богъ». Въ тотъ же день далъ приказъ придвинуть лагерь ближе къ Полтавѣ и сталъ укрѣплять его. Лагерь съ тыла замыкался крутымъ спускомъ къ р. Ворсклѣ; правый его флангъ прикрывался рядомъ холмовъ; лѣвый упирался въ лѣсъ села Яковцы, который тянулся до Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, и передъ фронтомъ—открытая равнина на двѣ версты, за которою шелъ лѣсъ. Между этимъ лѣсомъ и Яковецкимъ Петръ, для загражденія пути шведамъ, устроилъ 6 редутовъ (небольшихъ укрѣпленій, разсчитанныхъ на опредѣленное количество войска), отдѣливъ ихъ другъ отъ друга на ружейный выстрѣлъ, тогда какъ до него всѣ полководцы западные возводили подобныя укрѣпленія непрерывною цѣпью. Эти редуты, плодъ самостоятельнаго творчества военнаго генія Петра, оказались важнѣйшими укрѣпленіями. Они вынуждали шведовъ или тратить силы и время на овладѣніе ими, или прорваться между ними, подъ сильнымъ огнемъ съ сосѣднихъ редутовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ шведская армія тер-

пѣла серьезное разстройство и, продолжая свое движеніемъ фронтомъ, почти перпендикулярно къ фронту русскаго лагеря, невольно подставляла свой правый флангъ ближнему огню русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ укрѣпилъ себѣ путь и переходъ черезъ Ворсклу на случай отступленія. Ко дню сраженія русскую армію составляли 58 батальоновъ пѣхоты, 17 полковъ конницы и 72 орудія; всего войска было 42.000 человѣкъ.

Численностью своей арміи Петръ значительно превосходилъ шведскую, но послѣдняя зато была гораздо выше въ боевомъ, тактическомъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ. Въ шведской арміи, расположенной влѣво, на сѣв.-западъ отъ русскихъ, было на мѣстѣ сраженія всего 26 батальоновъ и 22 полка кавалеріи, при 4 орудіяхъ; всего около 27.000 человѣкъ; но изъ нихъ одна часть занимала траншеи подъ стѣнами Полтавы, а другая прикрывала значительное пространство отъ Полтавы до Переволочны (на Днѣпрѣ), для обезпеченія отступленія. Такъ какъ Карлъ XII, раненый въ ногу, не могъ сидѣть на лошади, то онъ поручилъ главное командованіе войсками фельдмаршалу Реншильду, каковое обстоятельство, конечно, не могло не отозваться на настроеніи старыхъ солдатъ, привыкшихъ сражаться подъ командою своего короля.

Устраивая отдѣльныя части арміи въ опредѣленномъ боевомъ порядкѣ, Петръ, въ то же время, обратилъ вниманіе и на подъемъ нравственныхъ силъ своего воинства. Наканунѣ сраженія онъ объѣзжалъ войска, вызывалъ офицеровъ и говорилъ имъ о важности предстоящаго сраженія, о самонадѣянности шведскаго короля, желавшаго унизить Россію и раздѣлить ее на мелкія княжества, и. т. п. —«Порадѣйте-же, товарищи»,—заключилъ свою рѣчь къ нимъ царственный полководецъ:—«Вѣра, Церковь и Отечество отъ васъ сего требуютъ».

Обращаясь къ офицерамъ гвардейскихъ полковъ, онъ сказалъ:—«Вы были самовидцы, колико дерзкіе непріятели храмовъ божіихъ православнаго нашего закона осквернялі, попирая ногами святыню, на которую зрѣти не до-

Полтавскій бой.

стойны; ругаясь обрядамъ святымъ и посмѣиваясь истинной нашей вѣрѣ. Вамъ извѣстно, что кичливый и прозорливый ихъ король войску своему расписалъ уже въ Москвѣ квартиры; генерала своего Шпарра пожаловалъ уже губернаторомъ московскимъ, и любезное наше отечество опредѣлилъ раздѣлить на малыя княжества и, введя въ оное еретическую вѣру, совсѣмъ истребить. Оставимъ-ли такія ругательства и презрѣніе наше безъ отмщенія? Да не будетъ!»

На эту рѣчь герой Нотебурга и Лѣсной, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ отвѣтилъ такъ:—«Великодержавный царь-государь! Ты видѣлъ трудъ и вѣрность нашу, когда черезъ цѣлый день въ огнѣ стояли, шеренгъ не помѣшали и пядени мѣста не уступили; четыре раза отъ стрѣльбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли; нынѣ же войско то-же и мы рабы твои тѣ же. Уповаемъ на Бога такой же имѣть подвигъ нынѣ, какъ и тогда».

За нѣсколько часовъ до начала сраженія солдатамъ былъ прочитанъ знаменитый воинскій приказъ Петра, свидѣтельствующій о величіи его души и рѣдкой любви къ своему отечеству. Вотъ его текстъ.

«Воины!.. се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только-бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего».

Король XII также объѣзжалъ свои войска и говорилъ офицерамъ рѣчи, но въ нихъ онъ вспоминалъ одержанныя побѣды и приглашалъ офицеровъ на пиръ въ шатрѣ мо-

сковскаго царя.—«Онъ приготовилъ намъ много кушанья»,—говорилъ король:—«идите же завтра туда, куда ведетъ васъ слава»!

Въ 2 часа ночи, 27 іюля, Карлъ XII появился передъ фронтомъ своей арміи и, обратившись къ Реншильду, сказалъ:

— «Начинайте съ Богомъ»!

По знаку главнокомандующаго, пѣхота, а за нею и кавалерія стройными колоннами двинулись противъ линіи шести русскихъ редутовъ; огонь послѣднихъ не остановилъ шведовъ; два редута были уже ими заняты. Кавалерія въ это время завязала жаркій бой съ русской конницей, предводимой Меншиковымъ и Бауромъ; но, очутившись подъ огнемъ своей же пѣхоты, должна была вскорѣ отступить въ тылъ ея. Встрѣченные жаркимъ огнемъ съ остальныхъ четырехъ редутовъ, шведскіе пѣхотинцы отказались отъ намѣренія взять ихъ, прорвались между ними и неожиданно для себя, изъ-за дыма и темноты, очутились въ 30 саженяхъ отъ русскаго укрѣпленнаго лагеря. Сильнѣйшій картечный огонь изъ лагеря заставилъ ихъ въ безпорядкѣ укрыться въ сосѣднемъ будищанскомъ лѣсу, передъ самымъ фронтомъ русскаго лагеря. Тѣмъ временемъ Меншиковъ нанесъ страшное пораженіе пѣхотному отряду Розена, отставшаго отъ главной своей арміи и продолжавшаго атаковать редуты. Было уже 8 часовъ утра; Петръ тщетно ждалъ атаки противника на свою главную армію и наконецъ, выстроивъ главныя силы въ двѣ линіи впереди лагеря и по флангамъ укрѣпленій, самъ открылъ наступленіе. Шведскія колонны шли уже навстрѣчу русскимъ. Для воодушевленія своихъ войскъ, Карлъ XII велѣлъ нести себя на носилкахъ передъ батальонами своего праваго фланга. Несмотря на губительный огонь русскихъ, шведская пѣхотная бригада отборныхъ стрѣлковъ, воодушевляемая присутствіемъ короля, яростно бросилась на батальоны Московскаго, Бутырскаго, Новгородскаго и Шлиссельбургскаго полковъ, которые были одѣты въ сѣрые кафтаны и приняты за новобран-

цевъ. Новгородскій полкъ не выдержалъ стремительнаго натиска, былъ опрокинутъ и подался назадъ; образовался прорывъ между батальонами первой линіи. Тогда Петръ, зорко слѣдившій за ходомъ боя, взялъ изъ задней линіи второй батальонъ Преображенскаго полка и бросился съ нимъ навстрѣчу шведамъ. Появленіе царя на главной боевой линіи послужило какъ-бы сигналомъ къ общей атакѣ русскихъ. Завязался жаркій бой. Царь не щадилъ себя и несся все впередъ. Одна пуля попала ему въ сѣдло, другая прострѣлила шляпу, а третья повредила крестъ, висѣвшій у него на груди; но онъ продолжалъ преслѣдовать шведовъ и добился того, что они черезъ полчаса были отбиты съ большимъ урономъ.

Послѣ этого русскіе полки, не разрывая общей своей линіи, охватили шведскую армію справа и слѣва,

И грянулъ бой, Полтавскій бой!
. . . . . .
. . . . . .
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ...
Бой барабанный, клики, скрежетъ...
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ...

Петръ «леталъ» по всему фронту своей арміи, съ одного конца на другой и воодушевлялъ каждаго.

Его глаза
Сіяютъ, ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры... Онъ прекрасенъ,—
Онъ весь, какъ Божія гроза.

Въ самый разгаръ боя ядро ударило въ носилки короля, и онъ очутился на землѣ. Вмигъ между шведскими полками разнесся слухъ, что король убитъ, и они пришли въ замѣшательство. Напрасно Карлъ XII приказывалъ поднять себя и посадить на скрещенныя пики; напрасно кричалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ: «Шведы, шведы»! Напрасно въ безсильной ярости скрежеталъ зубами и стучалъ больной ногой... Ничто уже не могло остановить разстройства прежней побѣдоносной арміи, остатки кото-

рой старались укрыться въ будищанскомъ лѣсу. Русскіе рубили направо и налѣво, забирали въ плѣнъ знамена, офицеровъ, генераловъ и цѣлые батальоны солдатъ.—«Ваше величество, ваша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля»! — проговорилъ подскакавшій къ королю Реншильдъ и, съ этими словами, ринулся въ разстроенные ряды своего войска и тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ.

Увидя бѣгущихъ шведовъ, чуть ли не по всѣмъ направленіямъ, Карлъ лишился чувствъ; его въ безпамятствѣ посадили на лошадь, которую скоро сразила пуля, и, наконецъ, въ каретѣ увезли по направленію къ Переволочнѣ, гдѣ, переправившись черезъ Днѣпръ, онъ ускакалъ вмѣстѣ съ Мазепой въ Бендеры.

«Хотя зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились»,—писалъ Петръ послѣ побѣды,—«однакоже таки долѣе двухъ часовъ не продолжалось; ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія, кавалерія и инфантерія весьма опровергнута».

Итакъ, въ теченіе, можно сказать, двухъ часовъ (съ 9 до 11 ч.), въ которые происходилъ самый ожесточенный бой, вѣковое могущество Швеціи было сломлено безповоротно; у нея не осталось арміи, у Карла не стало прежняго обаянія; раньше торжествовавшій надъ всѣми врагами, а теперь разбитый Петромъ, онъ сразу передалъ Петру и Московскому государству то политическое могущество, которымъ до тѣхъ поръ пользовалась Швеція.

По окончаніи сраженія, русскіе военачальники окружили своего царственнаго вождя, и онъ, преклонивъ предъ ними свой мечъ, сказалъ:

— «Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленныя!.. Потомъ трудовъ моихъ родилъ васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на ты-

сячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

На это привѣтствіе Петра отвѣтилъ князь Мих. Мих. Голицынъ:

— «Мужественною крѣпостью, отъ Господа Бога утвержденный, благочестивѣйшій государь!.. Кто тебя достойно восхвалить можетъ? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростію и смысломъ ученія всѣхъ насъ обогащаешь».

Послѣ благодарственнаго молебствія, Петръ съ своими сподвижниками и плѣнными шведскими генералами, которымъ предварительно возвратилъ всѣмъ шпаги, приступилъ въ своемъ шатрѣ къ обѣду. Предъ началомъ его, обращаясь къ гостямъ-шведамъ, онъ сказалъ:

— «Вчерашняго числа братъ мой Карлъ просилъ васъ въ шатры мои на обѣдъ, и вы, по обѣщанію, въ шатры мои прибыли, а братъ мой король Карлъ ко мнѣ не пожаловалъ, въ чемъ пароля своего не сдержалъ. Я его весьма ожидалъ, и сердечно желалъ, чтобы онъ въ шатрахъ моихъ обѣдалъ. Но когда его величество не соизволилъ пожаловать ко мнѣ на обѣдъ, то прошу васъ въ шатрахъ моихъ отобѣдать».

Во время обѣда, Петръ, поднявъ кубокъ, провозгласилъ: «Пью здоровье моего брата Карла», а послѣ того провозгласилъ тостъ за своихъ учителей.

— «Кто же эти учителя?»—спросилъ Реншильдъ.

— «Вы, господа шведы»,—отвѣтилъ Петръ.

— «Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей»,—добавилъ Реншильдъ.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, — вождей чужихъ
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

На слѣдующій день, 28 іюня, Петръ отправилъ для преслѣдованія шведовъ Меншикова, который настигъ ихъ у Переволочны, гдѣ они, въ количествѣ болѣе 16 т. человѣкъ сдались въ плѣнъ безъ всякой борьбы, а самъ поѣхалъ въ Полтаву. Вѣнценоснаго побѣдителя храбрый комендантъ Келлинъ встрѣтилъ такимъ привѣтствіемъ:

— «Вниди, храбрѣйшій Александра, милостивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочестивѣйшій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ!.. Маоусаиловъ тебѣ лѣтъ житія и Августово обладательство отъ Бога желаемъ».

Петръ, выслушавъ это привѣтствіе, сошелъ съ коня, нѣсколько разъ поцѣловалъ Келлина въ голову и сказалъ: «Почтенная глава, совершившая преславный подвигъ, надежда на тебя не обманула меня»[9]).

Затѣмъ снова сѣлъ на коня и направился въ церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. «Невозможно», читаемъ у Голикова, «описать восторга населенія, при видѣ возлюбленнаго и толико милостиваго къ нимъ Государя, соединившаго свои съ ихъ радостными слезами».

Тотчасъ же по полученіи извѣстія о Полтавской побѣдѣ, въ Москвѣ было «великое торжество»; но самое пышное и продолжительное празднованіе этой «неслыханной въ свѣтѣ преславной викторіи» происходило въ декабрѣ 1709 г., когда вернулся изъ Петербурга,—гдѣ повелѣлъ въ память побѣды построить храмъ во имя св. Сампсонія,—въ Москву самъ вѣнценосный Побѣдитель. Авторъ «Дѣяній Петра Великаго» подробно описываетъ это торжество, начавшееся 31 декабря «въѣздомъ» въ Москву.—«Впереди ѣхали», пишетъ онъ, «24 трубача и 6 литаврщиковъ, за ними Семеновскій полкъ, съ обнаженными палашами и распущенными знаменами. За полкомъ трофеи и плѣнные, взятые подъ Лѣснымъ. Далѣе бомбардирская рота Преображен-

---

[9]) Это происходило на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ памятникъ, сооруженный въ память столѣтія Полтавской битвы.

скаго полка, за нею трофеи полтавскіе и взятые подъ Переволочной. Затѣмъ везли королевскія носилки на двухъ лошадяхъ, покрытыхъ попонами съ королевскимъ гербомъ. За ними шли плѣнные генералы: Поссе, Гамильтонъ, Левенгауптъ, Реншильдъ, Пиперъ и др.: шли они поодиночкѣ, а прочіе плѣнники по четыре въ рядъ; такихъ рядовъ было 5.421. Далѣе за 4 гвардейскими пѣшими унтеръ-офицерами ѣхалъ самъ Петръ на томъ же конѣ, на которомъ разъѣзжалъ во время Полтавскаго боя, держа въ рукѣ обнаженный мечъ и имѣя на головѣ прострѣленную въ бою шляпу. Позади государя ѣхалъ его генералъ-адъютантъ, а по бокамъ—Меншиковъ и Долгорукій, за ними слѣдовалъ Преображенскій полкъ съ обнаженными шпагами и распущенными знаменами. Весь этотъ кортежъ замыкался артиллеріею и обозомъ. Во все время шествія звонили въ колокола и палили изъ пушекъ. Шествіе направлялось къ тріумфальнымъ воротамъ, устроеннымъ разными сословіями и учрежденіями. При приближеніи къ тѣмъ или другимъ воротамъ, выходили депутаты и привѣтствовали государя похвальными рѣчами. Послѣ рѣчей обыкновенно являлись юноши въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ; подходя къ Государю, они пѣли пѣсни и клали передъ нимъ свои вѣнки и вѣтви. Государь всегда останавливался предъ воротами, выслушивалъ рѣчи и пѣніе и «уклоненіемъ шпаги своей благодарилъ». Устроена была царю торжественная встрѣча и духовенствомъ, съ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ во главѣ. Послѣ рѣчи митрополита, «яко съ облаковъ» спустилось нѣсколько отроковъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и «воспѣвшихъ духовную пѣснь». Приложившись ко кресту и принявъ благословеніе отъ митрополита, Петръ прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершено было благодарственное молебствіе. Этимъ и закончилось въ первый день знаменитое торжество, продолжавшееся затѣмъ даже въ первыхъ числахъ января».

Мы здѣсь остоновимся еще на празднествахъ, происходившихъ на слѣдующій день. Въ 10 часовъ утра на площадь предъ дворцомъ были выведены всѣ плѣнные шведы

въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ. Скоро прибыли сюда и фельдмаршалы: Меншиковъ и Шереметевъ и гвардіи полковникъ Петръ Алексѣевичъ (т. е. самъ государь). Послѣ доклада кесарю, Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому[10]), они были введены въ аудіенцъ-залу, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ, подъ богатымъ балдахиномъ, сидѣлъ кесарь. Здѣсь каждый изъ вошедшихъ обращался къ кесарю съ рѣчью, говоря въ ней о своихъ подвигахъ: Шереметевъ—о дѣйствіяхъ подъ Полтавой, съ перечнемъ всѣхъ плѣненныхъ имъ генераловъ и указаніемъ общаго числа офицеровъ и солдатъ, Меншиковъ—о плѣненіи имъ шведовъ подъ Переволочной, и полковникъ гвардіи Петръ Алексѣевичъ—о побѣдѣ подъ Лѣснымъ. Послѣ рѣчей всѣ трое поднесли кесарю рапорты, который, съ своей стороны, похвалилъ службу и мужество фельдмаршаловъ и особенно полковника гвардіи.

Въ 2 часа дня, согласно церемоніалу, были введены плѣнные генералы и офицеры, и упали на колѣни передъ кесаремъ. Послѣ этого, читаемъ у Голикова, «одна изъ стѣнъ камеры той вдругъ сдѣлалась невидима и открыла смятенному взору ихъ превеликую залу, поддерживаемую многими колоннами и великолѣпно многими же столами съ кушаньемъ убранную, а у задней стѣны волшебной, какъ имъ казалось, залы сей, подъ балдахиномъ же, на возвышенномъ мѣстѣ, особый столъ о пяти приборахъ. За этимъ столомъ сѣли кесарь, два фельдмаршала, канцлеръ Головкинъ[11]) и самъ царь. Недалеко отъ него были поставлены столы, гдѣ были посажены генералы плѣнные и

---

[10]) **Ромодановскій,** Ѳедоръ Юрьевичъ. Отправляясь въ заграничное путешествіе въ 1697 г., Петръ I управленіе государственными дѣлами возложилъ на свойственника своего Ромодановскаго, и съ тѣхъ поръ называлъ его «князь кесарь» и «Его Величествомъ»; даже въ письмахъ къ нему онъ подписывался «Вашего Величества нижайшій подданный Piter».

[11]) **Головкинъ,** Гавріилъ Ивановичъ, первый въ Россіи государственный канцлеръ, любимецъ Петра Великаго. Родился въ 1660 г.; умеръ въ 1734 году.

русскіе и др... Обѣдъ продолжался три часа; во все время его была пальба изъ пушекъ, поставленныхъ около дворца. Въ этотъ же день угощали и народъ: были выставлены бочки и бадьи съ разнымъ питьемъ и для закуски давали рыбу, икру, калачи и хлѣбы. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, представлявшій сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою и происшествіе подъ Переволочною».

Въ заключеніе приведемъ отрывокъ одной изъ многочисленныхъ кантъ, пѣтыхъ во время празднества передъ Петромъ:

Преславная Россійская земле, веселися,
Царская держава скипетромъ хвалися,
Святымъ Апостоломъ Петромъ, данна тебѣ
Царю Россійскому, на земли и въ небѣ,
Благолѣпную Царску діадему,
Воспріялъ отъ руки Божьей возложиму.
. . . . . .
Виватъ, Царь Государь, Богомъ увѣнчанный,
Петръ, Петромъ утвержденъ, славный побѣдитель,
Петръ Алексѣевичъ, Россійскій ревнитель,
Ревнуя ревнуетъ, по Господѣ Бозѣ,
Дондеже покоритъ вся подъ нозѣ...
. . . . . .
Торжествуй, Россія, провославна сущи,
Красуйся и ликуй во славѣ цвѣтущи...

Послѣ Полтавской побѣды Петръ перенесъ свои военныя дѣйствія къ Балтійскому морю и въ 1710 г. взялъ Выборгъ, Ригу и Ревель. Русскіе стали твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ, существованіе Петербурга обезпечивалось. Вмѣстѣ съ военными успѣхами «превеликая викторія» оказала большое вліяніе и на политическіе успѣхи Московскаго царя. Союза съ нимъ искали всѣ сѣверо-германскіе владѣтельные князья; его же союзниками въ Сѣверной войнѣ стали Данія и Польша, въ которой, на мѣсто низложеннаго съ престола Станислава Лещинскаго, королемъ былъ вторично поставленъ Петромъ Августъ II. Среди всѣхъ союзниковъ первое мѣсто теперь принадлежало Россіи и Петру. Петръ сдѣлался властелиномъ сѣверной Ев-

Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи Ништадтскаго мира.
Съ картины художника Сафонова.

ропы и самъ сознавалъ, что онъ сильнѣйшій монархъ Сѣвера. Этому политическому преобладанію Россіи и Петра не повредилъ и несчастный Прутскій походъ. Геніальный царь попрежнему руководилъ союзниками и быстро и успѣшно завоевалъ Финляндію. Пріобрѣтеніе послѣдней для него казалось важнымъ дѣломъ «двухъ ради причинъ главнѣйшихъ»,—писалъ онъ адмиралу Апраксину:—«первое было бы что при мирѣ уступить;—другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль»...

Послѣ занятія Финляндіи, Петръ самостоятельно, помимо своихъ союзниковъ, началъ вести съ барономъ Гёрцомъ, правителемъ Швеціи, переговоры о мирѣ, но послѣдніе были прерваны смертію Карла XII, убитаго въ 1718 г. въ борьбѣ съ норвежцами, подъ стѣнами крѣпости Гильдсклёвъ. Избранная послѣ Карла королевой сестра его, Ульрика-Элеонора и шведская аристократія, захватившая въ свои руки правленіе, пожелали продолжать войну, воспользовавшись, главнымъ образомъ, тѣмъ, что имъ обѣщала поддержку Англія. Но Петръ теперь уже сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ теченіе 1719, 1720 и 1721 годовъ онъ каждое лѣто посылалъ русскіе корпуса въ самую Швецію, которые наносили послѣдней значительный уронъ. Наконецъ шведское правительство, послѣ блестящей морской побѣды русскихъ при островѣ Гренгамѣ, вынуждено было возобновить мирные переговоры, и миръ состоялся въ Ништадтѣ (близъ Або), 30 августа 1721 года. По этому миру Петръ получилъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и часть Кареліи съ Выборгскомъ округомъ; возвращалъ Швеціи Финляндію, уплачивалъ два милліона ефимковъ (голландскихъ талеровъ) въ четыре года и не принималъ на себя никакихъ обязательствъ противъ прежнихъ союзниковъ.

Этимъ миромъ царь былъ доволенъ до чрезвычайности и торжественно отпраздновалъ его 4 апрѣля того же года въ Петербургѣ.

Дѣйствительно, было чему радоваться. Отнынѣ Россія стала главною державою на сѣверѣ Европы, окончательно

входила въ кругъ европейскихъ державъ, связывала себя съ ними общими политическими интересами и получила возможность свободнаго сообщенія со всѣмъ Западомъ посредствомъ новоприобрѣтенныхъ границъ. Высокое значеніе всего этого было понято и сотрудниками Петра. Во время вторичнаго празднованія мира, 22 октября, сенатъ поднесъ Петру титулъ *Императора, Отца Отечества и Великаго;* но онъ принялъ только первый титулъ, и съ тѣхъ поръ Московское государство стало *Россійской имперіей.*

ГЛАВА IV.

Отраженіе Полтавской побѣды въ поэзіи художественной и народной и въ искусствѣ.

Полтавская побѣда произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ, и тогдашніе пѣты спѣшили излить его въ панегирикахъ, одахъ и словахъ и даже театральныхъ пьесахъ. Изъ множества этого рода стиховъ, приведемъ здѣсь наиболѣе характерные—и именно тѣ, которыми знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ (1681—1736) привѣтствовалъ «преславную полтавскую побѣду».

О симъ преславномъ дѣлѣ, въ пѣснѣхъ неслыханномъ,
Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
И проповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старецъ внукомъ, и яко—своими очима
Видѣ то—внуци старца нарекутъ блажима.
Мало се: пройдетъ скоро гласъ сей торжественный
На міръ весь, сугубому верху подложенный.
Всякъ слышай, сомнѣнія мысли въ сердце приметъ
И всѣхъ силы твоея страхъ велій обіймет.
Вси твоей начнутъ дружбы, вси мира желать,
И не дерзнутъ русскаго раздражать.
Богъ же, сіе блаженство давый намъ тобою,
Тожде твоимъ здравіемъ и дней долготою
Да укрѣпитъ!.. Желаемъ, всегда ти побѣдну
Дая помощь, дабы и лютую ехидну
Пьющую кровь святыхъ, твоихъ же убити
Далъ тебѣ оружіемъ: и вся сокрушити

Темницы варварскія и яремъ безмѣрный
И отъ долгихъ узилищъ извести родъ вѣрный;
Даже вся побѣдныя совершивше рати
Крестъ на стѣнахъ сіонскихъ водрузити златій!..

Изъ послѣдующихъ стихотвореній, посвященныхъ исключительно памяти Полтавской побѣды, едва-ли не первымъ и сравнительно лучшимъ, было стихотвореніе преподавателя повѣтоваго училища въ Полтавѣ, г. Цисаревскаго, произнесшаго его на актѣ въ 1803 году. Вотъ его текстъ (заимствуемъ изъ книги И. Ф. Павловскаго: «Битва подъ Полтавой»):

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой тлѣетъ прахъ мужей,
Что градъ Полтаву защищали
И Карловъ мечъ пренебрегали;
Сражаясь проливали кровь,
Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
Передъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
Отечеству явить любовь.
Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
И издаетъ то стонъ, то ревъ.
Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
Орломъ разодранъ шведскій левъ.
Межъ лаврами на небосклонѣ
Великій Петръ съ мечемъ, въ коронѣ,
Стоя торжественно, онъ зритъ,
Что благодарная Россія
Его труды, дѣла златыя,
Не забывая, вѣчно чтитъ.

Столѣтняя годовщина битвы вызвала обширное «пѣснопѣніе», въ восьми пѣсняхъ, изъ 759 стиховъ, члена Императорской Академіи Наукъ, князя С. А. Ширинскаго-Шихматова[12]). Пѣснопѣніе это, подъ названіемъ: «Петръ Великій»,

[12]) Князь Сергій Александровичъ **Ширинскій-Шихматовъ** былъ сначала «флота-лейтенантъ», а потомъ іеромонахъ Аникита Новгородскаго Юрьева монастыря; родился въ 1783 г.; умеръ 7 іюля 1837 года. Онъ оставилъ послѣ себя рядъ литературныхъ произведеній («Опытъ

было издано въ 1810 году. Изъ его тяжелыхъ и высокопарныхъ стиховъ, мы выпишемъ для характерности только нѣкоторые.

Но кто, кто тамъ примѣромъ дивнымъ
Россіянъ поощряетъ въ бой?
Воюетъ воинствомъ противнымъ,
Владѣетъ, кажется, судьбой;
Небесной истинѣ послушенъ
Жадающихъ гордость гордыхъ стертъ,
Въ бѣдахъ растущихъ благодушенъ,
Къ дѣламъ великимъ быстръ, какъ вѣтръ,
На ужасы глядитъ спокойно,
И тьмами сильныхъ движетъ стройно?..
Боязнь враговъ гласитъ: се Петръ!..
. . . . . .
. . . . . .
Противъ Петра, какъ вихрь жестокой,
Предъ нимъ стелются древа,
Карлъ ратуетъ—рукой высокой;
И подвиговъ его молва
Гремяща полнитъ ратно поле.
Растутъ опасности предъ нимъ,
Но славы жаждою гонимъ,
Въ опасностяхъ опасный болѣ,
Убійствомъ веселитъ свой духъ.
Кровавой сѣчи шумъ желѣзный
И стонъ и вопль падущихъ слезный
Питаютъ въ сладость Карловъ слухъ.
. . . . . .
. . . . . .
Взыграла радостью Полтава,
Кончину сопостатовъ зря,
На крыліяхъ побѣды Слава
Паритъ—и Росскаго царя
До звѣздъ возноситъ по вселенной.
Внимающа Полтавскій громъ,
Земля умолкла передъ Петромъ,
Предъ силою его явленной

о критикѣ», «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія», «Пѣснь россійскому слову», «Ночь на гробахъ», «Пѣснь сотворившему вся» и друг.), за которыя императоръ Александръ Павловичъ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 1500 рублей.

Смиряются, ругаясь льву,
Народы, племени, языки...
. . . . . .
. . . . . .
[13]) Красуйся, Петръ... хвалою правой!
Красуйтесь, воины!.. вожди.
Побѣда ваша подъ Полтавой
Не въ ломкой гибнущей мѣди,
Но станетъ жить и жить во-вѣки,
У Россовъ ревностныхъ въ сердцахъ,
Гремѣть во всей земли концахъ.
Она—доколѣ человѣки
Не узрятъ въ солнцѣ вѣчный мракъ.
Доколѣ не сгорятъ стихіи,
Пребудетъ памятникъ Россіи
И Правды Саваоѳа знакъ.

Въ 1825 г. на актѣ Московскаго университета Николай Писаревъ прочелъ свое лирическое стихотвореніе: «*Полтава*», а два года спустя въ томъ же университетѣ и подъ тѣмъ же заглавіемъ прочелъ свое произведеніе профессоръ русской литературы Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ (род. 1778 г. умеръ въ 1830 г.). Мы приведемъ здѣсь одно болѣе характерное мѣсто изъ послѣдняго стихотворенія.

Отсель [14]) начало всѣхъ трудовъ, успѣховъ силъ,
Отсель зиждительный Божественнаго геній,
Свободенъ, самъ въ себѣ увѣренный—вступилъ
На дивную стезю своихъ преобразованій!
И посредѣ лѣсовъ и блатъ
Встаетъ великій Петроградъ!..
О день рѣшительный!.. о день благословенный!..
О битва дивная!.. Въ тебѣ совершены
Отца отечества надежды вожделѣнны!
Основы нашихъ благъ въ тебѣ положены.
Сто лѣтъ прошло! сто лѣтъ срѣтаемъ,
И днесь плоды твои вкушаемъ.
Полтава!.. ты славна средь градовъ на земли;
То болѣ:—ты свята для душъ, отчизнѣ вѣрныхъ...

---

[13]) Этими стихами авторъ закончилъ свое произведеніе.
[14]) Т. е. со дня Полтавской побѣды.

Но самой лучшей, самой вѣрнѣйшей выразительницей и истолковательницей не только Полтавскаго боя со всѣми его послѣдствіями и историческимъ значеніемъ, но и всей русской исторіи эпохи Петра I, была поэма А. С. Пушкина «*Полтава*», которую поэтъ создалъ съ необыкновенной быстротой въ 1828 году, когда одновременно съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ стихотвореній онъ заканчивалъ и VII главу «Евгенія Онѣгина». Несмотря на общеизвѣстность этой знаменитой поэмы, мы все-таки позволимъ себѣ привести изъ нея наиболѣе яркія и характерныя мѣста, касающіяся Полтавскаго боя.

Вотъ стихи, въ которыхъ поэтъ опредѣляетъ историческое значеніе этого боя:

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

А вотъ и описаніе самаго боя:

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь конница летитъ,
Пѣхота движется за нею

И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служитъ ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатленъ.
Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
—«За дѣло, съ Богомъ!»... Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ;
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ предѣлахъ жребія земного

Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ [15]), и Бауръ [16]), и Репнинъ [17]),
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ [18]).
И передъ сими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!..
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,

---

[15]) **Брюсъ**, Яковъ Вилимовичъ, графъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, фельдмаршалъ и президентъ берг- и мануфактуръ-коллегіи, родился въ 1670 г.; умеръ въ 1739 году. Онъ былъ самымъ просвѣщеннымъ пособникомъ Петра Великаго. Съ 1702 по 1716 г. командовалъ артиллеріей и участвовалъ почти во всѣхъ болѣе крупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ русской арміи. Брюсъ былъ и авторомъ календаря, названнаго его именемъ и впервые напечатаннаго въ 1709 году.

[16]) **Бауръ**, Родіонъ Христіановичъ, генералъ отъ кавалеріи. Уроженецъ Голштаніи, онъ вначалѣ былъ на службѣ въ шведскомъ войскѣ, но во время осады Нарвы бѣжалъ къ русскимъ и былъ принятъ на службу Петромъ; участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій. Родился въ 1667 г.; умеръ въ 1717 г.

[17]) **Репнинъ**, Аникита Ивановичъ, фельдмаршалъ; одинъ изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ Петра I. Родился въ 1668 г.: умеръ въ 1726 г.

[18]) Разумѣется Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.

Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
. . . . . .
. . . . . .
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О славный часъ!.. О славный видъ!..
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась;—
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Въ 1837 году Полтаву посѣтилъ великій князь, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II, царь-освободитель). Этому событію мѣстный поэтъ, А. Г. Родзянко, посвятилъ цѣлое стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, между прочимъ, и о слѣдствіяхъ Полтавскаго боя, послужившаго какъ бы началомъ всѣхъ послѣдующихъ побѣдъ русской арміи.

...Но есть одно, есть холмъ Полтавы—
Первоначальникъ русской славы...
Туда, нашъ гость, зовемъ тебя...
Взойди—съ него далеко видно
Сквозь прошлаго туманъ сѣдой:
Кагульскихъ турокъ бѣгъ постыдной,
И Фредериковъ грозный бой.
Войны кровавою задачей,
Съ нагайкой вотъ старикъ[19]) на клячѣ
Къ побѣдамъ скачетъ отъ побѣдъ;
А тамъ, подъ Дяди знаменами,
Народы двинулись съ царями—
И отдохнулъ свободный свѣтъ.

[19]) Разумѣется свѣтлѣйшій князь, генералиссимусъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.

* * *

И далѣ тоже все родное,
Все близкое, Балканъ, Евфратъ,
И Галлъ въ насильственномъ покоѣ,
И вновь наказанный Сарматъ!..
И всѣхъ чудесъ снхъ здѣсь начало!..
Здѣсь сердце русское узнало
Впервые тайну кровныхъ силъ;
И гдѣ предѣлъ разливъ ихъ встрѣтитъ?
Златой-ли Гангъ твой мечъ освѣтитъ,
Иль обуздаетъ дерзкій Нилъ.

Слѣдующее, въ хронологическомъ порядкѣ, стихотвореніе, посвященное Полтавскому бою, принадлежитъ г. Градцеву, напечатавшему его въ 1845 г., подъ заглавіемъ: «Три пули». Стихотвореніе это стало уже народною пѣснью.

Три пули.

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья,
Мы дрались тогда со Шведомъ
Подъ знаменами Петра.
Нашъ могучій Императоръ—
Память вѣчная ему,—
Самъ, родимый, предъ полками,
Словно соколъ, онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой кипѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась;
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась;
Видно Шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много Шведовъ, много нашихъ
Подъ Полтавою легло.

Вдругъ еще впилася пуля
Въ его царское сѣдло;
Не смутился Императоръ,
Взоръ, какъ молнія, сверкалъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,—
Прямо въ грудь она летѣла
И ударила, какъ громъ.
Диво дивное свершилось
Въ этотъ мигъ—Царь усидѣлъ,
На груди его высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ.
Съ визгомъ пуля отскочила
Отъ широкаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой;
Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ.

Въ 1849 г. князь П. А. Вяземскій, посѣтивъ Полтаву, составилъ краткое описаніе ея въ стихахъ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Вотъ они—поля Полтавы!..
Здѣсь, воспитанный Петромъ,
Обновилъ орелъ двуглавый
Сокрушительный свой громъ.

* * *

Здѣсь былъ смѣлый жребій кинутъ,
Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ
И въ составъ Европы вдвинутъ
Новый сѣверный колоссъ.

Одно изъ самыхъ позднѣйшихъ стихотвореній, описывающихъ «Полтавскій бой», принадлежитъ г. Леониду Бутовскому, который напечаталъ свое небольшое лирическое произведеніе, подъ заглавіемъ: «Полтавскій бой» (27 іюня 1708—1889 г.) въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», за 1889 г., № 20.

Въ народной поэзіи сохранилось нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ такъ или иначе отразились событія, сопровождавшія борьбу русскихъ со шведами. Пѣсни эти слѣдующія.

I.

Король Шведскій и Мазепа.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?..
Подымался король Шведскій даже до Полтавы.
Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
Какъ бы вырыть подъ царемъ на погибель нору.
Веселятся и ликуютъ, чаютъ побѣдили;
И не спрашивались съ удачей, все распорядили.
Король Шведскій говоритъ: «Какъ я буду паномъ,
То устрою я Мазепу коронным гетманомъ».
А Мазепа возносился выше своей мѣры,
Былъ предатель государства, былъ предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства! Не попали и въ отчизну,
Потеряли цѣло войско, утекли въ нѣмчизну.
Виватъ, бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый,
Виватъ, храбры генералы!.. виватъ, и солдаты!..

II.

Русскій сонъ[20]).

Вечоръ-то мнѣ, матушка,
малымъ-мало спалося,
Что малымъ-мало спалося,
много видѣлося;
Какъ привидѣлось мнѣ, матушка,
крута гора во снѣ;
Что на крутой горѣ
бѣлъ-горючъ камень лежитъ;
А на камнѣ выросталъ
частъ-ракитовъ кустъ;
Какъ на кустикѣ сидитъ птица
младъ-сизой орелъ,—
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ
черна ворона.

---

[20]) Въ этой пѣснѣ ясно указывается на то, что еще до начала Сѣверной войны жива была въ народѣ увѣренностью въ побѣдѣ надъ шведами.

Что возговоритъ родная
ея матушка:
Ты дитя мое, дитя милое!
Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разскажу:
Что крута гора,—
то каменная Москва;
Бѣлъ-горючъ камень,—
то нашъ Кремль-городъ.
А ракитовъ кустъ,—
то Кремлевскій дворецъ,
Сизой орелъ, то нашъ батюшка,
православный царь,
А черной воронъ,—
то шведскій король.
Побѣдитъ нашъ государь
землю Шведскую
И самого короля
въ полонъ возьметъ.

Въ слѣдующей пѣснѣ описывается, какъ готовился Петръ I принять Карла XII, обѣщавшагося пріѣхать къ нему—«кушати».

III.

Наканунѣ было Петрова дня, царскаго ангела,
Какъ не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла:
Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
«Охъ вы, гой еси, князи со боярами!..
Пьете, ѣдите все готовое,
Цвѣтное платье носите припасенное,
Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,
Онъ будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати...
Ужъ мы столики разставимъ—преображенскій полкъ,
Скатерти разстелимъ—полкъ семеновскій,
Мы вилки да тарелки—полкъ измайловскій,
Мы поильце медвяное—полкъ драгунушекъ,
Мы кушанья сахарныя—полкъ гусарушекъ,
Потчивати заставимъ—полкъ пѣхотушекъ».

IV.

Полтавское дѣло.

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
Въ мѣсяцѣ было въ іюлѣ,
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣсточки и грамотки съ Руси нѣту,
Въ три годочка перепала скоро вѣстка,
Что отцовъ и матерей вживѣ нѣту,
Молодыя жены замужъ вышли,
Малы дѣточки ходятъ—спротаютъ.
«Еще ли намъ, ребятушки, не томно?..
Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавою,
Тутъ стоялъ, постоялъ король шведскій;
Къ королю кавалеры приходили;
На рѣчахъ кавалеры доносили:
«Ахъ, ты, батюшка, король земли Шведской,
Колько подъ горами ни стояти,
Намъ Полтавы города не взяти;
Въ Полтавѣ есть Московская пѣхота,
Самъ Царь-Государь поспѣшаетъ,
Онъ съ конницей, съ драгунами,
Съ регулярной силой, съ пѣхотой!
Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
Походъ держитъ подъ праву руку.
Подъ ту-ли подъ Красну Мызу,
Не дошелъ Красной Мызы, становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ исподстроилъ,
Пушки и мортирушки изоставилъ.
— «Ахъ, вы, гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службѣ, кавалеры, не бывали,
Пушечнаго грому не слыхали!..»
Мы еще доносимъ тебѣ челобитье:
Что изъ славнаго города Обска
Подымался царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
Походъ держать во Шведскую землю.
Не дошедъ Красной Мызы становился,
Напередъ казаковъ разсылаетъ;
Напередъ казаки разъѣжаютъ,
Наѣзжаютъ на шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили,

Много шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большого маіора.
Шереметевъ взялъ маіорушку въ допросы:
— «Ты скажи-ка, маіоръ, Божью правду,
По крестному Божью цѣлованью:
Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
Много ли у васъ силы у благодера?
Много-ли силы съ самимъ королемъ?»
— «У генерала, у насъ, силъ тридцать тысячъ,
У благодера силъ сорокъ тысячъ,
А съ самимъ королемъ смѣты нѣту».
— «Врешь, маіоръ, врешь, плутуешь:
Я этова не боюся,
Въ Обскъ назадъ не вернуся».—
Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати,
Къ этой рѣчкѣ ко Момжѣ,
Чтобъ король не догадался,
За Момжу-рѣку не перебрался,
А король догадался,
За Момжу-рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погнался,
Состигалъ короля среди поля,
Подъ славнымъ городомъ, подъ Полтавою,
Подымалась Полтавская баталія.
Запалитъ шведская сила
Изъ большаго снаряда, изъ пушки;
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья, изъ мушкета;
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила,
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью.
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Постлана новая пашня
Солдатскими головами,
Поливана новая пашня
Горячею солдатскою кровью.

V.

Видѣнье королю шведскому.

Ты дорожка ли, моя дорожка
торна широкая,
Длиною ты, дорожка,
конца-краю нѣту;
Что никто, вѣдь, по этой
дорожкѣ не ѣздитъ,
Только ѣздитъ-проѣзжаетъ
одинъ король шведскій.
Закричалъ ли король шведскій
громкимъ голосочкомъ:
Поглядите вы, ребята,
на свою сторонку:
Вотъ на нашей на сторонкѣ
все темно и черно;
У насъ только, братцы, черно,
жить младцамъ невольно.
Поглядите-жъ вы, ребята,
въ русскую сторонку:
У!.. какъ тамъ ли во Россіи,
ясно все и красно,
Ясно все и красно,
жить младцамъ привольно.

Въ заключеніе нельзя не привести еще весьма употребительной народной поговорки, связанной съ Полтавской битвой и относимой къ человѣку, который въ какой-либо борьбѣ потерпѣлъ полнѣйшій крахъ, а именно:

«Разбитъ, какъ шведъ подъ Полтавой».

Благодарною темою послужила Полтавская битва и для многочисленныхъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ, руководившихся для изображенія битвы собственно двумя современными гравюрами, изъ которыхъ одна неизвѣстнаго автора, съ такою надписью: «Изображеніе преславной баталіи между войскъ россійскихъ и свейскихъ въ присутствіи высокой команды надъ Россійскими войсками Его

царскаго величества Всероссійскаго Петра Перваго, надъ свейскими войсками Его Королевскаго Величества Карла XII, учинившейся недалеко отъ Полтавы, Іюня въ 27 день, 1709 г.»,—а другая, принадлежащая художнику Пикару, подъ названіемъ: «Полтавская битва». Эти двѣ гравюры среди цѣлаго ряда другихъ современныхъ гравюръ наилучшія. Ими отчасти воспользовался даже современникъ Петра I, знаменитый французскій художникъ Натье (род. 1685 г., † 1776), нарисовавшій въ 1715 г. нѣсколько портретовъ Петра и «Полтавское сраженіе». Другой французскій художникъ Петръ Дени-Мартинъ, по заказу Петра, нарисовалъ «Полтавскую баталію», также пользуясь предшественниками. Хранится эта картина нынче въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

Наконецъ, совершенно случайно въ 1897 г., въ рухлядной Тихвинскаго Богородицкаго монастыря (Новгородской губ.) отыскалась еще современная Петру картина, представляющая копію съ гравюры на мѣди извѣстнаго гравера XVIII вѣка Даніила Голяховскаго. Въ сентябрѣ 1709 г. она была поднесена Петру I Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, произнесшимъ при этомъ и свое знаменитое похвальное слово. Картина эта въ 1780 годахъ находилось въ Полтавѣ, въ извѣстномъ Екатерининскомъ залѣ, и приводила, по словамъ очевидцевъ, совершавшую тогда свое путешествіе по Россіи императрицу Екатерину II въ особый восторгъ, конечно, болѣе всего подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній. По своему сюжету она представляетъ слѣдующее: «вверху ангелъ съ трубой и развѣвающимся знаменемъ, на коемъ написано: «*Услышите сыя вси языци внушите вси живущіи по вселенной*»; правоюже рукою ангелъ держитъ лавровый вѣнокъ надъ главою царя Петра, изображеннаго сидящимъ верхомъ на конѣ и попирающимъ «Свѣйскаго змія». Около—группа сражающихся воиновъ; на заднемъ планѣ видъ города. У края картины по направленію къ Петру шведы протягиваютъ сабли. Посреди картины—надпись крупнымъ шрифтомъ: «Богомъ данному, Богомъ вѣнчанному, Богомъ хранимому, Пресвѣтл. и Велико-

держав. Грю, Црю и Вел. Князю Петру Алексіевичу, всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи самодержцу и проч. и проч. Православія Поборнику, Царствія Защитнику и расширителю, Малой Россіи свободителю, гордыхъ супостатъ нашихъ Преславному Побѣдителю, побѣжденіемъ Льва Свѣйскаго изобразившему въ себѣ Сампсона, Давида, Даніила, отцу отечества нашего, царю и воину непобѣдимому».— Интересна еще надпись на ней, представляющая какъ бы ея оглавленіе: «Обстоятельная реляція о главной баталіи между войскъ Его Царскаго Величества Россійскаго и Королевскаго величества свѣйскаго, учинившейся неподалеку отъ Полтавы сего іюня въ 27 день 1709 года».

Изъ послѣдующихъ изображеній «Полтавской битвы» наиболѣе интересны и популярны слѣдующія: во-первыхъ, гравированная на мѣди, по заказу полтавскаго помѣщика П. Я. Руденко, для сооружаемаго имъ памятника, въ память избавленія Петромъ Великимъ изъ шведскаго плѣна его отца, Якова Яковлевича Руденко («Рудый»), картина гравера академіи художествъ Патрикія Балабина (изъ солдатскихъ дѣтей, род. въ 1734 г.), находящаяся теперь въ полтавскомъ Воскресенскомъ храмѣ. Подъ ней стихи извѣстнаго стихотворца XVIII в. Василія Григорьевича Рубана:

Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, низпалъ.
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало росской славы!...
Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Сампсону;
Въ хвалу же Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

«Въ 69 лѣто побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 г., отъ Р. Хр. 1778 г.»).

Затѣмъ, картина профессора и ректора Академіи Художествъ, Вас. Кузьмича Шебуева (род. 1777 г., † 1855), написанная имъ въ 1807 г., подъ названіемъ: «Петръ Великій

въ Полтавской битвѣ». Оригиналъ хранится въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и составляетъ даръ корпусу императора Николая Павловича (1844 г.).

Далѣе, особый историческій интересъ имѣетъ мозаичная картина («Полтавская баталія») знаменитаго нашего академика Михаила Васильевича Ломоносова, изготовленная имъ еще въ 1764 году, но очень долго лежавшая въ кладовой Академіи Художествъ. Съ 1901 г. она помѣщается въ музеѣ Императорскаго общества поощренія художествъ. Вышина ея 6½ арш., а ширина—9 аршинъ. М. В. Ломоносовъ составилъ и подробное описаніе своей картины (см. Д. Ровинскій, «Словарь гравированныхъ портретовъ», т. III).

Изъ самыхъ позднѣйшихъ картинъ наибольшею извѣстностью пользуются: «Побѣда подъ Полтавой», извѣстнаго художника-академика и профессора Коцебу (род. 1815 г., † 1889 г) и «Сцены изъ Полтавской баталіи» Н. И. Каразина.

ГЛАВА V.

Памятники Полтавской битвы.

Первый, по времени, памятникъ Полтавской битвы сооруженъ на частныя средства, въ концѣ XVIII столѣтія. Виновникомъ сооруженія его былъ запорожецъ, потомъ бургомистръ полтавскаго магистрата и наконецъ надворный совѣтникъ, *Павелъ Яковлевичъ Руденко*, поставившій этотъ памятникъ въ воспоминаніе освобожденія Петромъ Великимъ отца его изъ шведскаго плѣна. Представлялъ онъ собою оштукатуренный каменный столбъ, съ пирамидальною вершиною, окрашенною зеленою краской, съ изображеніемъ у основанія двухъ сидящихъ юношей въ римскихъ одѣяніяхъ и съ большимъ вызолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ, которое потомъ было замѣнено короною. Въ пьедесталъ была вставлена доска, съ изображеніемъ Полтавскаго боя. Въ началѣ XIX в. памятникъ былъ уничтоженъ [21]).

Въ 1804 г. первымъ малороссійскимъ губернаторомъ княземъ А. В. Куракинымъ былъ заложенъ памятникъ въ память столѣтія Полтавской побѣды и открытъ лишь въ 1811 году при генералъ-губернаторѣ князѣ Я. И. Лобановѣ-Ростовскомъ. Сооруженъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчалъ и привѣтствовалъ Государя храбрый защитникъ Полтавы, П. С. Келлинъ 28 іюня 1709 года. Сдѣланный по про-

---

[21]) Подробнѣе см. «Битва подъ Полтавой», И. Ф. Павловскаго, стр. 189—193.

екту проф. Томаса де-Томона, памятникъ представляетъ высокую колонну, на вершинѣ которой помѣщенъ орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту, обращеннымъ къ полю сраженія. Пьедесталъ сдѣланъ изъ мѣстнаго гранита, добытаго въ Келебердѣ (Кременчугскаго уѣзда), и окруженъ 18 пушками, изъ которыхъ 10 взяты изъ бастіоновъ бывшей полтавской крѣпости, а 8 изъ числа отнятыхъ при Переволочнѣ пушекъ. Сооруженіе его обошлось въ 135 тысячъ рублей ассигнаціями.

Затѣмъ, на мѣстѣ домика И. С. Келлина, въ которомъ пробылъ нѣсколько дней Петръ Великій, былъ построенъ въ 1817 г., по приказанію генералъ-губернатора Н. Г. Репнина, памятникъ въ видѣ кирпичнаго обелиска, на которомъ надпись: «Здѣсь Петръ I покоился послѣ трудовъ своихъ»; ниже этой надписи, внутри свернувшейся въ кольцо змѣи—годъ и число Полтавской битвы: 27 іюня 1709 г.; а еще ниже краткая, но выразительная, подпись: «Благоговѣй, мѣсто свято есть». Въ 1849 г. этотъ обелискъ, по желанію императора Николая Павловича, былъ замѣненъ нынѣ существующимъ памятникомъ, отлитымъ художникомъ Гамбургеромъ въ Петербургѣ, по рисунку проф. Брюлова. Онъ представляетъ собою прямоугольную пирамиду высотою въ 11 арш., на пьедесталѣ изъ гранитныхъ ступеней, окрашенную въ темнозеленый цвѣтъ. На вершинѣ пирамиды—мечъ и щитъ, а на щитѣ шлемъ и лавры полководца. На одной надписи читаемъ: «Петръ I покоился здѣсь послѣ трудовъ своихъ. 27 іюня 1709 года», а на другой—«Воздвигнутъ 27 іюня 1849 г., въ царствованіе императора Николая I».

Наконецъ остается сказать еще о *Шведской могилѣ*—курганѣ, отстоящемъ отъ Полтавы въ 5 верстахъ и сохраняющемъ останки русскихъ воиновъ, павшихъ въ Полтавскомъ сраженіи. Возникновеніе Шведской могилы таково. 28 іюня 1709 г., рано утромъ начали копать ямы на мѣстѣ кургана, для погребенія павшихъ воиновъ. Въ шесть часовъ утра прибылъ сюда самъ Петръ, и при немъ были положены въ одну могилу тѣла офицеровъ, а въ другую—унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Затѣмъ началось отпѣва-

ніе. Самъ Государь пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими, нерѣдко прерывая свое пѣніе слезами. По окончаніи отпѣванія, онъ произнесъ: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души положившіе! Вѣмъ, яко вѣнцами вы увѣнчалися и у праведнаго подвижника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мирѣ прославить Бога и ваши подвиги». Послѣ этого царь трижды поклонился до земли павшимъ воинамъ; могилу стали засыпать землею и, засыпавъ, водрузили на ней большой деревянный крестъ.

Въ теченіе XVIII в. Шведская могила была забыта и правительствомъ и обществомъ. Первый, вспомнившій о ней, былъ малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь А. Б. Куракинъ, который въ 1802 г. установилъ ежегодное наканунѣ дня сраженія служеніе на могилѣ торжественной панихиды, по особому чину, что соблюдается и до сей поры. Затѣмъ второй малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій возбудилъ въ 1809 году вопросъ объ устройствѣ храма на Шведской могилѣ. На помощь къ нему пришелъ богатый помѣщикъ Черниговской губерніи Іосифъ Степановичъ Судіенко, пожертвовавшій на этотъ предметъ 100,000 рублей. Но переписка по этому вопросу генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и съ Синодомъ тянулась болѣе сорока лѣтъ, и только въ 1856 году былъ освященъ вновь выстроенный небольшой деревянный храмъ, въ которомъ, по сообщенію архимандрита Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеофила, того-же 1856 г., «при сильномъ вѣтрѣ поднимаются крыши и легко могутъ быть снесены»; между тѣмъ постройка этого храма обошлась почти въ 30,000 руб. Одновременно съ храмомъ были выстроены при немъ два маленькихъ домика, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ въ школу въ 1888 г. Въ 1892 г. храмъ былъ перестроенъ, по проекту архитектора Никонова, а въ 1895 г.—воздвигнутъ новый памятникъ на мо-

гилѣ, по проекту того-же архитектора Никонова, состоящій въ слѣдующемъ. Наверху холма поставленъ крестъ изъ свѣтлосѣраго сердобольскаго гранита, высотою 10 аршинъ и 12 вершковъ. Со стороны церкви устроена наверхъ лѣстница, высотою $8^1/_2$ аршинъ. Лѣстница раздѣляется площадкой на двѣ части. Вокругъ холма положены каменные бруски, высотою 8 вершковъ, а на нихъ изъ крѣпкаго нютерландскаго гранита тумбы. На восточной сторонѣ памятника помѣщена слѣдующая надпись: «Погребены 1.345 человѣкъ: бригадиръ Феленгеймъ, полковники: Нечаевъ и Ловъ, подполковникъ Козловъ, маіоры: Кропотовъ, Эристъ и Гельтъ, оберъ-офицеровъ сорокъ пять, капраловъ и рядовыхъ тысяча двѣсти девяносто три». На западной сторонѣ слѣдующая надпись: «Воины благочестивіи за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня». Нѣсколько ниже читаемъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія». Все это сдѣлано на средства изъ капитала Судіенко, перешедшаго теперь въ духовное вѣдомство. По ходатайству членовъ Полтавской архивной комиссіи, приступлено нынѣ къ постройкѣ вблизи храма и особаго зданія для «*Музея Полтавской битвы*».

Въ двухъ верстахъ отъ Шведской могилы, въ мѣстности, называемой «Побиванка», находится холмъ, гдѣ погребены павшіе въ Полтавскомъ сраженіи шведы, числомъ около 13.300 человѣкъ.

1326 15/IV-40

Л К Т
Магазин № 51
ц. 2 р.
кв. №

Изданія В. Е. Рудакова.

1. **Полное собраніе сочиненій Саллюстія:** 1) О заговорѣ Катилины. 2) О войнѣ съ Югуртой. 3) Историческіе отрывки. Переводъ и примѣчанія. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М-ва Нар. Просв. для библіотекъ всѣхъ среднеучебныхъ заведеній. (Спб., 1892—94).
2. **Полное собраніе сочиненій М. Т. Цицерона.** Вып. I. Четвертая рѣчь противъ Верреса. Переводъ и примѣчанія. Вып. II. Пятая рѣчь противъ Верреса. Переводъ и примѣчанія. (Спб., 1892—93).
3. **Гай Юлій Цезарь. Записки о Галльской войнѣ.** Переводъ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора. Два изданія. 1) М. М. Ледерле (1893) и 2) С.-Петербургскаго учебнаго магазина (1900 г.).
4. **Овидій Назонъ. Письма съ Понта.** Переводъ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора. (Спб., 1894).
5. **Хронологическій указатель учено-литературныхъ трудовъ проф. И. Е. Андреевскаго.** (Спб. 1892).
6. **Генералиссимусъ князь А. В. Суворовъ въ анекдотахъ и разсказахъ современниковъ.** (Спб., 1899).
7. **Систематическій каталогъ книгъ и брошюръ, находящихся въ библіотекѣ К. Ѳ. Хартулари,** со включеніемъ наиболѣе крупныхъ статей изъ юридическихъ журналовъ за 1859—81 гг. (Спб., 1901 г.).
8. **Третій областной историко-археологическій съѣздъ** въ губ. г. Владимірѣ. (Спб., 1906).
9. **Четырнадцатый Археологическій Съѣздъ и тысячелѣтіе г. Чернигова.** (Спб., 1908).
10. **Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената.** Историко-статистическія свѣдѣнія. (Владиміръ, 1908).

Цѣна 20 коп.

ИВ.6 Р
3 83-1

ИВ6 3Р83 П